

Игнатъева Наталья Дмитриевна

ЯВЛЕНИЕ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ПОЛИСЕМИИ В РУССКО-ЧЕШСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

В статье рассматривается явление межъязыковой полисемии в контексте русско-чешской интерференции; выделяются ее разновидности и особенности. В качестве иллюстрации явления используется новый материал: электронный учебный чешский корпус, позволивший расширить базу примеров ошибок. В ходе исследования была выявлена основная причина частых интерферем в области межъязыковой полисемии: несовпадение семантического объема лексических единиц русского и чешского языков.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/7-1/26.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 7(61): в 3-х ч. Ч. 1. С. 89-91. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81-22

В статье рассматривается явление межъязыковой полисемии в контексте русско-чешской интерференции; выделяются ее разновидности и особенности. В качестве иллюстрации явления используется новый материал: электронный учебный чешский корпус, позволивший расширить базу примеров ошибок. В ходе исследования была выявлена основная причина частых интерферем в области межъязыковой полисемии: несовпадение семантического объема лексических единиц русского и чешского языков.

Ключевые слова и фразы: русско-чешская интерференция; межъязыковая полисемия; близкородственные языки; интерферемы; учебный корпус.

Игнатъева Наталья Дмитриевна

Санкт-Петербургский государственный университет
nataliagasheva@yandex.ru

ЯВЛЕНИЕ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ПОЛИСЕМИИ В РУССКО-ЧЕШСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

Полисемия, как отмечает Й. Влчек [11, s. 46], является одним из главных источников омонимов в близкородственных языках. Два этих явления очень тесно связаны друг с другом. Их нельзя точно разграничить: нет критериев для их классификации, а также очень многие случаи можно считать переходными.

Цель данного исследования – выявить основные причины и специфику русско-чешской интерференции, вызванную межъязыковой полисемией.

Семантическая структура русского языка далеко не всегда совпадает с семантической структурой чешского. Часто объем значений слова в одном языке не соответствует слову из другого языка. Для обозначения данного явления применяется термин «дифференциальная полисемия» – неполное совпадение семантического содержания многозначной лексической единицы одного языка с семантическим содержанием лексической единицы другого языка [7, s. 227]. О «дифференциальной полисемии» говорят как в случае различных, так и в случае сходных по форме многозначных слов двух языков [Там же, s. 227-248; 11, s. 188].

Для русских студентов, изучающих чешский язык, опасность интерференции будет, прежде всего, представлять случаи, когда многозначному слову в русском языке соответствует чешское слово с узким значением. Например, слово *урок* и его чешские эквиваленты: 1. *hodina* (vyučovací); 2. *úkol, úloha*; 3. *Ponaučení* [9, s. 409]. Студент переносит структуру многозначного русского слова *урок* на один из его эквивалентов в чешском (*úkol*), который к русскому слову является эквивалентом только в одном значении. Ср. ошибочное употребление слова *úkol*:

*Dal ti dobrý *úkol* (вместо *dobré poučení*)¹;
*První *úkol* (вместо *hodina*) *v pátek je angličtina*;
*Kdo řekl, že žena nesmí třeba *vodit* (вместо *řídít*) *auto?* [5].

Мы будем опираться на классификацию ошибок, вызванных межъязыковой полисемией, которую приводит Н. Орлова [8, s. 65-68], разбирая особенности чешско-русской интерференции.

I. К первой группе относятся ошибки, когда один из чешских эквивалентов имеет полное или частичное звуковое или графическое сходство с русским многозначным словом. Данное сходство становится определяющим для студента при выборе слова. Возьмем многозначное слово *сила* и посмотрим, какие эквиваленты оно имеет в чешском языке:

1. *síla, intenzita* (fyzikální veličina); *центробежная síla odstředivá síla; síla móka intenzita proudu*; 2. *síla, energie, elán* (fyzická, psychická); 3. *energie, impuls* (zdroj všeho); *síly přírody přírodní energie*; 4. *síla, moc* (jednotlivce ap.) 5. (hovor.) *síla, podstata, smysl*; 6. (práv.) *platnost* (zákona ap.). *Zákon vstoupil v sílu. Zákon vstoupil v platnost. Zákon nabyl účinnosti* [9, s. 342].

Примеры интерференции:

*Takovou dovolenu nejčastěji vybírá lidé, kteří celý rok pracují dobře a chtějí *se nabrat síl* (вместо *načerpát energii*), *aby příští rok pracovali lepe*.

*Naše domluva *má sílu* (вместо *platí*) [5].

Еще одним примером может послужить слово *ручка*: 1. *ručka, ručička* (детская); 2. *klika* (двери, окна), *ucho* (чашки, кастрюли); 3. *pero, propiska*

**Ručka* (вместо *ucho*) *hrnce byla moc horká* [9, s. 328].

Zlomil ručku (вместо *kliku*) *dveře* [5].

Схожую ситуацию можем наблюдать и у слова *стрелка*: 1. (часов) *ručička; (компаса) střelka; (весов) jazýček; (на чертеже, на дорожном указателе) šipka*; 2. (железнодорожная) *výměna, výhybka*; 3. бот. *lodyha*.

*Hodinová *střelka* (вместо *ručička*); **střelka* (вместо *jazýček*) *vah* [9, s. 374].

Однако возможна и другая ситуация, когда выбор студента останавливается не на сходном, а, наоборот, на отличном эквиваленте. Мы не имеем точных экспериментальных сведений, чем может быть вызван подобный выбор. Можем лишь высказать предположение, основанное на объяснении самих студентов:

¹ Здесь и далее будут приводиться цитаты из письменных работ студентов и материалов чешского учебного корпуса [5] с полным сохранением орфографии и стиля авторов.

они делают выбор в пользу чешского эквивалента, отличного в звуковом или графическом плане от русского, считая его «более чешским» и не скрывающим за собой угрозу русско-чешской межъязыковой омонимии. В результате возникают следующего рода ошибки:

**Uchovává hlavu* (вместо *drží*) *zpríma* [5].

Ср. русское слово *держат* и его чешские эквиваленты: 1. *držet koho/co* (ребенка, книгу); 2. *chytat, zadržovat, držet koho/co* (вора); 3. *držet, udržovat, zadržovat* (обороны); 4. *uchovávat* (в банке); 5. *mít, vést, spravovat co* (отель, ресторан); 6. *držet, zaměstnávat, mít* (садовника, служащих); 7. (о направлении) *držet (se), pohybovat se, jít* ◊ (себя в руках) *ovládat se* [9, s. 70].

К данной группе можно отнести и многозначное, широко употребительное в русском языке слово *дело*, часто неправильно переносимое в чешский контекст. Помимо частичного звукового совпадения с одним из его чешских эквивалентов (*dílo*), употребление данного слова усложняется еще и наличием полного омонима в чешском языке с полностью отличным значением: *dělo* – орудие, пушка.

*Mám hodně *děl* (вместо *práce*).

*To není tvoje *dělo* (вместо *věc*).

*Všechni turisté *prvním dělem* *jdou na Karlův most, Vyšehrad, Staré město atd* (вместо *nejdříve*).

*Potom sedíme a mluvíme o různých *dílech* (вместо *věcích*) [5].

Ср. русское слово *дело* и его чешские эквиваленты: 1. *práce, dílo*; взяться за дело – *dát se / pustit se do práce*; он занят важным делом – *je zaměstnán důležitou prací*; домашние дела – *domácí práce*; 2. *čin, skutek*; сделать большое дело – *udělat velkou věc*; доказать на деле – *dokázat skutkem*; 3. *obor, zaměstnání*; 4. *záležitost, věc*; это наше дело – *to je naše věc/starost*; 5. (úřední/soudní) *řízení, případ*; уголовное дело – *trestní případ*; 6. *akta, spisy*; 7. *událost, věc, příhoda*; дело было осенью – *stalo se to takhle na podzim*; 8. *situace, stav věcí*; как дела (на работе) *jak to jde?, jak to vypadá*; 9. (чести, привычки) *věc, otázka* ◊ другое/иное дело – *to je jiná*; первым делом – *nejdříve, v první řadě*; за дело – *po zásluze*; ближе к делу! *k věci!*; на самом деле *ve skutečnosti*; дело в том, что... *jde o to, že...*; то и ~ *pořád, každou chvíli* [9, s. 69].

II. Ко второй группе относятся случаи, когда русскому слову соответствуют два и более чешских эквивалента, но ни один из них не имеет звукового или графического сходства. В этом случае на выбор чешского слова оказывают влияние различные факторы: незнание правильного чешского выражения, контекста или определенной сочетаемости слов.

*V červenci pláž už otevřen a celý den trávím *dobu* (вместо *čas*) *tam s kamarády a kamarádkami*;

**Od dávných dob* (вместо *od pradávna*) *drobní výrobci produkovali ze dřeva lžice, hrnky a další nádobí* [5].

Ср.: русск. *время* и его чешск. эквиваленты: 1. *čas*; у меня нет времени – *nemám čas*; 2. *doba, období*; времена года – *roční období* [9, s. 43].

*A už teď se začala *patřit k tomu filozofskému* (вместо *chovat se k*) [5].

Ср.: русск. *относиться к* и его чешск. эквиваленты: 1. (ласково к кому) *chovat se ke komu, jednat s kým*; 2. (к первой группе) *patřit ke komu* [9, s. 232].

Данная проблема занимает одно из центральных мест в работах, посвященных лексическим ошибкам в речи на неродном языке [3; 4]. Если мы обратимся к материалу чешских ученых, исследовавших данную проблему [1; 8; 10; 12], только в контексте чешско-русской интерференции, то увидим, какое большое число ошибок у чешских студентов, изучающих русский, вызвано именно полисемией. Несомненно, мы не можем делать точные выводы по соотношению количества данного вида ошибок у русских и чешских студентов, исходя из нашего скромного материала по русско-чешской интерференции, по сравнению с громадной работой по чешско-русской интерференции, проделанной под руководством М. Затовкянока и насчитывающей 25 000 примеров только лексических ошибок. Однако некоторые предположения мы осмелимся сделать. Во время исследования нами было также проанализировано и небольшое количество работ чешских студентов, изучающих русский (30). Уровень учащихся был B2-C1 (по Общеввропейской компетенции владения иностранным языком (CEFR): B2 – пороговый продвинутый уровень, C1 – уровень профессионального владения). Опираясь лишь на эти работы, можно заключить, что ошибки, вызванные «дифференциальной полисемией» у чешских студентов в русском языке встречаются чаще, чем у русских при изучении чешского.

Система каждого языка по-своему отражает окружающую ее действительность. Т. Г. Никитина [2], сопоставляя юридическую лексику русского и чешского языков, приходит к выводу, что русский язык более детально, конкретнее, чем чешский, анализирует неязыковую действительность с целью наименования. Подтверждение этому факту мы находим и у К. Хлупачовой [6, s. 205-206]. Русский язык проявляет гораздо большее разнообразие в наименованиях. Автор утверждает, что взгляд русского языка более основательный, подробный и содержательный в области наименований. Очень часто для обозначения понятия, которое в чешском выражено только одним названием, в русском мы находим несколько, с различными оттенками в значении: *přístav* – порт, пристань, гавань; *hnědý* – коричневый (костюм), карий (глаза), бурый (уголь), гнедой (лошадь), темно-русый, каштановый (волосы); *vyhýbat se* – избегать (опасности, встречи), уклоняться (от работы, от своих обязанностей), сторониться, уступать, давать дорогу [Цит. по: Там же, s. 205].

Более пестрая, разнородная картина с точки зрения плана выражения, которую представляет система русских наименований, создает предпосылки для возникновения более богатой семантической дифференциации, которая, в свою очередь, и объясняет большое количество ошибок, вызванных «дифференциальной полисемией» именно у чешских студентов, изучающих русский. Приведем наиболее частотные примеры из картотеки Карлова университета (в скобках указано количество встретившихся ошибок с этим словом): **дело известного писателя* (14×), **игры писателей* (46×), *идите *там еще сегодня* (144×), *это – *вещь всех рабочих* (12×), *на перекрестке регулировал *транспорт регулировщик* (22×), *экзамен у *портного* (30×) [Цит. по: 8, s. 69-77].

Таким образом, анализируя материал по лексической русско-чешской интерференции, мы выявили одну из наиболее устойчивых и типичных межъязыковых интерферем в чешской речи русскоговорящих: необоснованное расширение объема лексического значения чешского слова и, как следствие, расширение сферы его употребления. Данное явление межъязыковой полисемии связано с несовпадением семантического объема лексических единиц русского и чешского языков.

Список литературы

1. **Затовканий М.** Формально-смысловые отношения в области языковой интерференции // *Československá rusistika*. 1978. Т. 23. № 2. С. 70-77.
2. **Никитина Т. Г.** Семасиологический и ономасиологический анализ русской юридической лексики (в аспекте ее преподавания чехам): дисс. ... к. филол. н. Л., 1985. 208 с.
3. **Никунласси А., Протасова Е. Ю.** О важности ошибок для исследования многоязычия // *Инструментарий русистики: ошибки и многоязычие*. Хельсинки: Unigrafia, 2014. С. 5-13.
4. **Рогозная Н. Н.** Лингвистический атлас нарушений в русской речи иностранцев. Иркутск: ОГУП «Иркутская областная типография № 1», 2001. 332 с.
5. **Учебный корпус чешского языка** [Электронный ресурс]. URL: <https://kontext.korpus.cz> (дата обращения: 02.05.2016).
6. **Chlupáčová K.** K charakteristice pojmenování v ruštině a češtině // *Konfrontační studium ruské a české gramatiky a slovní zásoby*. Praha: Univerzita Karlova, 1974. S. 199-209.
7. **Komová-Šimková V.** Ke konfrontaci ruských a českých polysemických substantiv // *Konfrontační studium ruské a české gramatiky a slovní zásoby*. Praha: Univerzita Karlova, 1974. S. 227-249.
8. **Orlovová N.** Interference povahy polysémické // *Interference v ruském lexiku*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1979. S. 64-77.
9. **Šroufková M., Vencovská M., Pleský R.** Rusko-český a česko-ruský slovník. Leda, 2005. 980 s.
10. **Vlček J.** Česko-ruská homonymie a paronymie // *Interference v ruském lexiku*, Jaromira Zimová a kol. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1967. S. 38-63.
11. **Vlček J.** Úskalí ruské slovní zásoby. Slovník rusko-české homonymie a paronymie. Praha: Svět sovětů, 1966. 232 s.
12. **Zimová J.** Interference lexikálně syntaktická // *Interference v ruském lexiku*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1967. S. 78-99.

PHENOMENON OF INTERLANGUAGE POLYSEMY IN THE RUSSIAN-CZECH INTERFERENCE

Ignat'eva Natal'ya Dmitrievna
Saint Petersburg State University
nataliagasheva@yandex.ru

The article examines the phenomenon of interlanguage polysemy in the context of the Russian-Czech interference; its varieties and peculiarities are highlighted. As an illustration of the phenomenon a new material is used: electronic learning Czech corpus which has allowed expanding the base of error examples. In the course of research, the main cause of frequent interferences in the area of interlanguage polysemy has been revealed: discrepancy of the semantic volume of lexical units of the Russian and Czech languages.

Key words and phrases: Russian-Czech interference; interlanguage polysemy; cognate languages; interferences; learning corpus.

УДК 81'1

В статье рассматриваются основные критерии составления аннотации и абстракт-текста, определяется их типичная структура. Вопрос об их сходстве и различии стоит во главе исследования и детально излагается в работе, поскольку составление аннотации является неотъемлемой частью любой научной статьи, которая публикуется в журналах, и данный вопрос вызывает бесконечные дебаты о правильном ее написании. Авторы определяют позицию рассматриваемых единиц в публикациях различных жанров и приходят к выводу о том, что наличие аннотации или абстракт-текста зависит, прежде всего, от жанра статьи.

Ключевые слова и фразы: аннотация; абстракт-текст; научная статья; рекомендации; авторское резюме.

Иноземцева Надежда Владимировна, к. филол. н., доцент
Евстафиади Ольга Вячеславовна, к. филол. н.
Оренбургский государственный университет
vivictoria2008@mail.ru

АННОТАЦИЯ VS АБСТРАКТ-ТЕКСТ: ОСНОВНЫЕ СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

На сегодняшний день учёные лингвисты сталкиваются с проблемой написания аннотации к научной статье, поскольку наличие большого количества разнообразного материала в разных источниках приводит к неоднозначному решению возникшей проблемы. Кроме того, понятия аннотации и абстракт-текст зачастую взаимозаменяются и используются не по назначению.